

ОТ АВТОРА

Действие цикла «Парни Томмена» происходит в Ирландии, в графстве Корк, а персонажи — совершенно новые герои. Серия основана на жизни Джонни Каваны, Шаннон Линч, симпатичного Гибси и их друзей, которые учатся в престижной частной школе — Томмен-колледже и готовятся ко взрослой жизни. Цикл полон юмора и душевных переживаний, спорта и романтики и наверняка завоюет ваши сердца.

«Удержать 13-го» — вторая книга серии. Надеюсь, вам понравится читать об этих героях так же, как мне нравилось писать о них.

Спасибо за чтение! хох

1

ОН ИЛИ МЫ

ШАННОН

— Выбирай, мама, — сказал Джоуи. — Он или мы?

Похолодев до костей, я сидела на шатком стуле возле кухонного стола, прижимала к щеке полотенце и едва дышала по двум причинам.

Во-первых, отец находился меньше чем в четырех футах¹ от меня, и при одной мысли об этом тело готово было отключиться.

Во-вторых, дышать было больно.

Бросив окровавленное полотенце на стол, я повернулась и попыталась боком прислониться к спинке стула, но мучительно застонала, когда тело пронзило болью.

Меня всю как будто облили бензином и подожгли. Каждый дюйм тела *горел*, кричал, протестуя, когда я вдыхала слишком глубоко. «Со мной беда», — поняла я. Со мной случилось что-то по-настоящему плохое, но все же я оставалась там, куда усадил меня Джоуи, и во мне не было ни капли сил, чтобы сражаться.

Это плохо.

Это по-настоящему плохо, Шаннон.

Всхлипы и сопение младших братьев, что топтались за спиной Джоуи, вынести было почти невозможно.

Но я не могла взглянуть на них.

Если бы посмотрела — сломалась бы, это точно.

Вместо этого я сосредоточилась на Джоуи, набираясь сил от его храбрости: он буравил глазами наших родителей и требовал большего.

¹ Фут равен примерно 30,5 см.

И пытался спасти нас от той жизни, которой ни один из нас не мог избежать.

— Джоуи, если ты хотя бы на минутку успокоишься... — начала было мама, но брат не дал ей закончить.

В полном бешенстве Джоуи буквально взорвался, как вулкан, прямо посреди нашей обшарпанной кухни.

— Даже не пытайся выкрутиться, чтоб тебя! — Обвинительно тыча пальцем в сторону матери, он прорычал: — Хоть раз в своей чертовой жизни поступи правильно и выгоди его!

Я слышала отчаяние в голосе брата, последнюю вспышку веры в мать, быстро угасавшую, пока он заклинал *услышать* его.

Мама просто сидела на кухонном полу, ее взгляд метался между нами, но она и не попыталась к нам подойти.

Нет, она оставалась на месте.

Рядом с ним.

Я знала, что она его боится, понимала, каково цепенеть перед этим человеком, но она-то была взрослая. Ей полагалось нести ответственность, быть матерью, защитницей — ей, а не восемнадцатилетнему парню, на которого свалилась эта роль.

— Джоуи, — прошептала она, умоляюще посмотрев на сына, — мы ведь можем просто...

— Он или мы? — Джоуи повторял вопрос снова и снова, и тон его становился все холоднее. — Он или мы, мама?

Он или мы.

Три слова, в которых было больше смысла и важности, чем в любом другом вопросе, что я слышала в жизни. Проблема состояла в том, что в глубине души я знала: при любом ответе, как бы она ни лгала себе или нам, итог будет неизменным.

Он неизменен всегда.

Думаю, в тот миг братья тоже это осознали.

Джоуи уж точно.

Он выглядел таким разочарованным в самом себе, стоя перед матерью в ожидании ответа, который ничего бы не изменил, потому что поступки говорят громче слов, а наша мать — живая марионетка, которую дергал за веревочки наш отец.

Она не могла ничего решить.

Не могла без *его* позволения.

Я знала, что младшие братья молятся о благополучной развязке, и знала, что этого не случится.

Ничего не изменится.

Ничего не исправится.

Принесут аптечку, смуют кровь, вытрут слезы, придумают какую-нибудь историю для объяснения, отец исчезнет на день-другой, а после все пойдет точно так же, как всегда.

«Слово дал — слово взял» — девиз семьи Линч.

Мы все привязаны к этому дому, как огромный дуб к своим корням. От этого не сбежать. До тех пор, пока мы не повзрослеем и не уйдем.

Слишком измученная, чтобы думать об этом, я обмякла на стуле, видя все и не видя ничего. Почти как тюремное заключение без надежды на досрочное освобождение.

Наклонившись вперед, я обхватила себя руками и ждала, когда все кончится. Адреналин стремительно испарялся, сменяясь новой болью, и ее мне было не вынести. Вкус крови во рту стал крепче, мощнее, от недостатка воздуха в легких начались головокружение и тошнота. Пальцы на руках то не мели, то их словно кололи иголками.

Все болело, и все было кончено.

Кончено с болью и всем этим дерьмом.

Я не хотела жизни, которая выпала мне при рождении.

Не хотела такую семью.

Не хотела города и его жителей.

Не хотела ничего из этого.

— Хочу, чтобы ты кое-что знала, — резко произнес Джоуи, когда мать ему не ответила.

Он ледяным тоном выплевывал слова, что бурлили в нем, словно яд, который необходимо изгнать из глубины раздранного сердца. Я знала это, потому что чувствовала то же самое.

— Хочу, чтобы ты знала: прямо сейчас я ненавижу тебя сильнее, чем когда-либо ненавидел *его*. — Джоуи весь дрожал, руки сжались в кулаки. — Хочу, чтобы ты знала, что ты мне больше не мать — хотя лучше начать с того, что у меня ее никогда и не было.

Он стиснул зубы, пытаясь удержать боль, готовую выплеснуться наружу. Гордость не позволяла ему обнажить чувства перед этими людьми.

— С этого момента и навсегда ты для меня мертва. Со своим дерьмом отныне справляйся сама. Он снова тебя ударит?

Я не появлюсь, чтобы тебя защитить. Он снова все пропьет, и окажется, что тебе не на что кормить детей, или отключат электричество? Найдешь другого идиота, который даст тебе денег. Он спустит тебя с лестницы или сломает тебе на хрен руку, нажравшись виски? Я просто закрою на это глаза, как закрыла сейчас ты, в этой самой кухне. С сегодняшнего дня меня не будет рядом, чтобы защищать тебя, как тебя не было, чтобы защищать нас.

Я сжималась при каждом слове брата, в самой глубине души чувствуя его боль, потому что она смешивалась с моей собственной.

— Не разговаривай так с матерью! — угрожающе зарычал отец, поднимаясь на ноги громадой в шесть футов и двести фунтов¹. — Ты, неблагодарный мелкий...

— Не смей даже обращаться ко мне, ты, мерзкий кусок дерьма! — предостерег Джоуи, обжигая отца взглядом. — Может, во мне и течет твоя кровь, но на этом и все. Между нами все кончено, старик. Можешь сгореть в аду — я плевать хотел. Черт, я искренне надеюсь, что вы оба там окажетесь.

Мне на плечо мягко опустилась чья-то рука, я испугалась и застонала от боли.

— Все в порядке, — прошептал Тайг, держа руку на моем плече. — Я здесь.

Я закрыла глаза, и по щекам потекли слезы.

— Думаешь, можешь вот так со мной разговаривать? — Отец отер лицо тыльной стороной ладони, испачкав ее в крови. — Лучше б ты уgomонился, мальчишка...

— Ты называешь мальчишкой меня? — Джоуи откинул назад голову и невесело засмеялся. — Меня? Меня, который воспитывал твоих чертовых детишек чуть ли не всю свою жизнь? Меня, который разгребал дерьмо за вами обоими, брал на себя всю ответственность, делал все, что должны были делать вы, два бесполезных куска говна? — Джоуи в ярости всплеснул руками. — Может, мне всего восемнадцать, но я куда больше мужчина, чем когда-либо был ты!

— Не искушай судьбу, — проворчал отец, быстро трезвея; его глаза налились кровью. — Я тебя предупреж...

— Иначе что? — оборвал его Джоуи, небрежно пожав плечами. — Ты меня вырубешь? Ударишь? Пнешь? Ремень снимешь? Разобьешь бутылку о мою голову? Врежешь клюшкой

¹ Фунт равен примерно 0,45 кг.

по ногам? — Джоуи покачал головой и язвительно усмехнулся. — А знаешь что? Я уже не испуганный мальчик, старик. Я не ребенок, и не зашуганная девчонка, и не твоя ничтожная жена. — Прищурился зеленые глаза, Джоуи добавил: — Что бы ты мне ни сделал, обещаю: в ответ получишь в десять раз больше.

— Убирайся из моего дома! — пугающе тихо зашипел отец. — Сейчас же, мальчишка!

— Тедди, не надо! — запричитала мама, кидаясь к нему. — Ты не можешь...

— Заткнись, чертова баба! — заорал отец, срывая злость на матери. — Я тебе морду разобью! Слышала?

Мама отпрянула и беспомощно оглянулась на Джоуи.

Джоуи стоял неподвижно, в нем явно происходила внутренняя борьба, но он не шагнул навстречу матери.

— Ты не можешь его выгнать... — Мама умолкла на полуслове, с глубоким, неподдельным страхом глядя на человека, за которого вышла замуж. — Пожалуйста... — По ее бледным щекам потекли слезы. — Он мой сын...

— О, так теперь я твой сын? — Джоуи захохотал. — Не нужно мне таких одолжений!

— Это ты во всем виновата, девка! — рывкнул отец, поворачиваясь ко мне. — Шляешься по чертову городу как шлюха, навлекаешь неприятности на семью! Ты тут главная проблема...

— Не приближайся к ней, — предостерег его Джоуи, повышая голос. — Даже не смотри в ее сторону, скотина!

— Это правда! — прорычал отец, все так же не сводя с меня карих глаз. — Только зря место занимаешь, всю жизнь! Я говорил твоей матери, да она не слушала. А я-то знал! Ты еще мелкая была, а я уже все про тебя знал, чертова карлица! — с диким видом добавил он и, глядя зверем, выплюнул: — Непонятно, откуда ты только взялась!

Я смотрела на человека, который всю мою жизнь издевался надо мной: он стоял посреди кухни — сила, с которой нельзя не считаться; мощные руки — эти кулаки столько раз избивали меня, что и не припомнить. Но гораздо больнее ранили его слова, его язык.

— Это неправда, Тедди! — задохнулась мама. — Шаннон, малыш, это не...

— Мы тебя не хотели, — продолжил отец словесную пытку. — Ты это знаешь? Мать оставила тебя на неделю в роддоме, не хотела забирать, пока стыд не решил за нее. Но я не

передумал. Да мне на тебя и смотреть-то тошно, не говоря уж о том, чтобы любить.

— Шаннон, не слушай его! — приказал Джоуи низким от волнения голосом. — Это неправда. Подносок слетел с катушек. Забудь это. Слышишь, Шан? *Забудь!*

— Тебя я тоже не хотел, — рывкнул отец, таращась на Джоуи.

— Умираю от горя! — насмешливо бросил в ответ Джоуи.

— Ну, мы-то тебя тоже не хотели, — проворчал Тайг, и его рука на моем плече задрожала, когда он посмотрел на отца. — Ты никому из нас не нужен!

— Тайг, — предупреждаяще произнес Джоуи вполголоса, и в его глазах вспыхнул страх. — Помолчи. Я сам разберусь.

— Нет, я не буду молчать, Джо! — Тайг задохнулся, переполненный гневом, какого не должен испытывать мальчик в одиннадцать лет. — Проблема семьи — в нем, и пусть он это услышит!

— Убери его отсюда! — заорал отец матери, стоявшей в стороне. — Сейчас же, Мэри! — Он уже ревел и тыкал пальцем в ее сторону. — Убери его отсюда, пока я не пришиб мелкого гада!

— Посмотрю, как ты, на хрен, попытаешься, — язвительно отозвался Джоуи, передвигая Олли и Шона, цеплявшихся за его бока, себе за спину.

— Нет! — Мама, всхлипывая, решила наконец встать между отцом и Джоуи. — Уйти должен ты.

Отец шагнул вперед, и мама машинально попятилась, закрывая лицо руками.

Бесконечно жалкое зрелище.

Никто из нас не в силах противостоять таким людям.

Как могут любовь и страх уживаться в одном и том же человеческом сердце?

Как могла она любить его, если так сильно боялась?

— Что ты сказала? — прошипел отец, сосредотачивая всю ярость на маме. — Что, на хер, ты мне сказала?

— Уходи, — выдохнула мама, дрожа с головы до ног и отступая еще на пару шагов. — Все кончено, Тедди. С меня хватит... с нас хватит. Я не могу... я хочу, чтобы ты *убрался отсюда!*

— С тебя хватит? — оскалился на нее отец. — Думаешь, ты меня бросаешь? — Он грубо захохотал. — Ты моя, Мэри. Слыхала? Ты моя, черт побери! — Он сделал еще шаг в ее сторону. — Думаешь, можешь меня выгнать? Избавиться от меня?

— Просто уходи, — сдавленно произнесла мама. — Я хочу, чтобы ты ушел, Тедди. Убирайся из нашей жизни.

— Думаешь, у тебя есть жизнь без меня? Да без меня ты *ничто*, сука! — взревел отец с дикими, безумными глазами. — Ты уйдешь от меня только в ящике, девка! Я тебя прикончу, прежде чем отпущу! Слышишь? Сожгу этот гребаный дом дотла, вместе с тобой и твоими вырожденками, только тогда ты уйдешь!

— Хватит! — Нервный писк вырвался из горла Олли, державшегося за ногу Джоуи. — Пусть он замолчит! — всхлипнул он, цепляясь за нашего брата, как будто у того были ответы на все вопросы. — Пожалуйста!..

— Ты стал девчонкой? — с отвращением спросил отец. — Соберись, Олли, сучий потрох!

— Хватит, Тедди! — пронзительно закричала мама, хватаясь за грудь. — Убирайся!

— Это мой дом, мать вашу! — заорал в ответ отец. — Никуда я не уйду!

— Отлично, — спокойно произнес Джоуи, затем повернулся и посмотрел на наших братьев. — Олли, иди на улицу, и Шона возьми с собой. — Сунув руку в карман джинсов, Джоуи достал свой телефон и протянул брату. — Позвони Ифе, хорошо? Позвони, она приедет и заберет вас.

— Нет-нет-нет! — запаниковала мама. — Джоуи, прошу, не забирай их у меня!

Олли коротко кивнул, взял Шона за руку и быстро вышел из кухни, без колебаний проскочив мимо протянутой руки матери.

Хотя им было всего девять лет и три года, они ей не доверяли. Даже в таком нежном, юном возрасте они знали: сознательно или нет, мать обязательно их предаст.

— Я же сказала, чтобы он ушел... я ему сказала, Джоуи! Прошу, я же выбрала вас! Конечно, *конечно* я выбираю вас! — Подбежав к брату, мама цеплялась худыми руками за его толстовку и снизу вверх заглядывала в глаза. — Пожалуйста, не делай этого... прошу, Джоуи! Не уводи моих детей!

— А что от тебя толку, если ты не можешь их защитить? — требовательно спросил Джоуи, не двигаясь. Но его голос дрожал, когда мать хваталась за него, умоляя дать еще один шанс — шанс снова подвести нас. — Ты чертов призрак в этом доме, — с горечью добавил Джоуи. — Ты просто обои на стене,

мама. Мышка. — Он провел дрожащей рукой по своим светлым волосам и прошептал: — От тебя нам *никакого толку*.

— Джоуи, подожди... прошу... пожалуйста, не надо так! — Сжав руку моего брата, она упала на колени, умоляя: — Не забирай их у меня!..

— Я не могу оставить их здесь, — с трудом произнес Джоуи, тяжело дыша. — А ты свой выбор сделала.

— Ты не понимаешь! — воскликнула она, качая головой. — Ты не видишь.

— Так встань, мама, — выдавил Джоуи; в голосе его слышалась мольба. — Встань с колен и уйди из этого дома вместе со мной.

— Я не могу... — Дрожа, мама громко всхлипнула. — Он меня убьет.

— Тогда умри, — только и ответил Джоуи голосом, лишенным всяких эмоций.

— Пусть убирается, Мэри! — злобно вмешался отец. — Вернется, поджав хвост! Бесплезный болван! Да он дня не проживет сам по себе...

— Заткнись! — закричала мама. (Я никогда не слышала от нее такого крика.) Она с трудом поднялась на ноги и резко развернулась, чтобы оказаться лицом к лицу с отцом. — Просто заткнись! Это ты во всем виноват! Ты погубил мою жизнь! Ты губишь моих детей! Ты чертов сумасшедший...

Удар.

Слова превратились в жалобный стон, когда отцовский кулак со всей силы врезался в ее лицо. Она рухнула на пол, как мешок с камнями.

— Думаешь, можно так со мной разговаривать? — рычал отец, глядя на нее. — Да ты хуже их всех, ты, чертова шлюха!

Джоуи понадобилось не больше двух секунд, чтобы осознать его слова, и он резко оттолкнул отца от мамы.

— Убрал руки от моей матери! — Он отпихнул отца. — Не трогай ее! — Нагнувшись, Джоуи попытался поставить маму на ноги. — Мама, пожалуйста... — Брат присел рядом с ней, отвел волосы с ее лба, и у него сорвался голос. — Просто *уйди* от него. — Он обхватил ее лицо окровавленными руками. — Мы что-нибудь придумаем, хорошо? Мы справимся, но мы не можем здесь оставаться. Я позабочусь о тебе...

— Да кем ты себя воображаешь, черт побери? — угрожающе заговорил отец, кидаясь к Джоуи. — Думаешь, ты все зна-

ешь, сопляк? Думаешь, ты лучше меня? — Схватив Джоуи огромной рукой за шею, он заставил его опуститься на колени. — Думаешь, можешь забрать ее у меня? Никуда она не пойдет! — Отец нажимал все сильнее, тыча Джоуи лбом в плитки пола. — Я говорил, что научу тебя хорошим манерам, неблагодарный мелкий говнюк! — Он нажал коленом на поясницу Джоуи, лишая его возможности двигаться. — Думаешь, ты уже мужчина, сопляк? Так покажи своей матери, какой ты мужчина, поплачь теперь, как щенок!

— Прекрати! — закричала мама и толкнула отца в плечо. — Оставь его, Тедди!

— Да я больше мужчина, чем ты, — прохрипел Джоуи; его голос был едва слышен из-за того, что он пытался сопротивляться весу отца, нависшего над ним.

— О, вот как? — Отец схватил Джоуи за волосы, дернул, а потом ударил сына лицом о плитку. — Да ты просто кусок дерьма, мальчишка!

Джоуи, выплюнув кровь, уперся ладонями в пол и напрыгав, отчаянно пытаясь вырваться из рук отца, пока тот колотил его лицом об пол. Мои уши наполнил звук ломающихся костей, желудок сжался в комок, но Джоуи не желал сдаваться.

— Это все, что ты можешь? — Он оскалил зубы, блеснувшие сквозь кровь, рыча и яростно сопротивляясь. — Да ты теряешь хватку, старик!

— Отпусти его! — продолжала кричать мама, тряся отца за плечи. — Тедди, ты же его убьешь!

— Вот и хорошо! — рывкнул отец, взмахивая рукой и отбрасывая маму в сторону. — А ты будешь следующей, шлюха-предательница!

Отчаянно дрожа, я шевельнулась, чтобы хоть что-то сделать, но не смогла.

Не могла заставить свое тело двигаться.

Сил подняться на ноги не осталось.

Годы издевательств и побоев вроде тех, что я только что вынесла, привели к тому, что в шестнадцать лет я была не в состоянии стоять на своих двоих.

Жалкая, я продолжала сидеть там, куда усадил меня Джоуи; по лицу текла кровь, а сердце все медленнее билось в груди.

«Я умираю», — осознала я.

А может, тело было в состоянии шока. Так или иначе, со мной случилось что-то очень плохое, и я не могла помочь тому единственному человеку, который всегда помогал мне.

Голова кружилась; затуманенным взглядом я наблюдала, как Джоуи сумел вывернуться через бок и теперь они с отцом боролись на полу.

Мое сердце провалилось в желудок: отец снова оказался сверху. Обхватив пальцами горло Джоуи, он начал лупить второй рукой ему по лицу. Джоуи отчаянно извивался под ним, пытаясь уклониться, но бесполезно. Наш отец весил как минимум на сорок фунтов больше, чем Джоуи.

«Он же умрет, — кричало мое сердце, горя в огне. — Спаси его!»

Я попыталась.

В панике попыталась добраться до Джоуи, но просто не смогла пошевелиться.

Казалось, я парализована.

— Помоги ей! — донесся до меня сдавленный голос Джоуи; он кашлял и запинался. — Черт, да помоги же ей!

Помочь кому?

Кому помочь, Джо?

Каждые несколько секунд у меня перед глазами все расплывалось, и я понимала, что это значит: я вот-вот потеряю сознание. И я знала, что это плохой признак, — на этот раз мне досталось сильнее, чем раньше.

Намного сильнее.

Краем глаза я заметила, как Тайг подбирается к буфету. Рывком открыв ящик, он схватил нож и без колебаний прыгнул вперед.

«Сделай это». Я мысленно взмолилась Небесам, чтобы они дали брату храбрость просто сделать это.

— Отпусти моего брата! — закричал Тайг, прижав кончик ножа к горлу соперника Джоуи, и его рука была твердой, как скала, а взгляд упирался в отца.

— Тайг, брось нож! — вскрикнула мама, медленно подбираясь к Тайгу. — Пожалуйста, малыш!

— Да пошла ты! — огрызнулся Тайг, не сводя взгляда с отца. — Отпусти. Моего. Брата.

«Сделай это, Тайг, — молча молилась я. — Останови его навсегда».

— Не будь дураком, сопляк! — засмеялся отец, но в его тоне не было веселья, а только опасение.

Хорошо.

Бойся.

— Я не дурак, — пугающе холодным тоном ответил Тайг. — И я не Джоуи. — Он придвинулся ближе к отцу, чуть крепче прижимая нож. — Я не остановлюсь, если Шаннон попросит.

У меня упало сердце.

Ему было одиннадцать лет, и вот во что они его превратили.

А я молилась о том, чтобы он убил нашего отца, покончив со всем этим.

Во что они превратили меня?

Часть меня хотела умолять, чтобы брат просто вонзил нож в меня и все закончилось.

Они все такие сильные, а я такая слабая.

Я недостаточно стойкая.

Не могу так быстро собраться, как все они.

Я неполноценная.

— Тайг, — выдохнул с пола Джоуи; его грудь часто вздымалась, он старался набрать воздуха в легкие, а отец все еще держал его за горло рукой. — Тайг, все в порядке. — Лицо Джоуи было сплошь покрыто кровью, нос, очевидно, опять сломан. Обеими руками он сжимали руку отца, которая вцепилась в его горло. — Давай успокойся...

— Ничего не в порядке, Джо, — ответил Тайг без эмоций. — Здесь ничего не в порядке.

— И что ты хочешь сделать, мальчишка? — язвительно спросил отец, продолжая душировать Джоуи, хотя его налитые кровью глаза были полны тревоги и обращены к моему маленькому брату — Зарежешь меня?

— Да.

Ловя сына на слове, отец попытался выхватить у него нож, но тут же отдернул руку: по его шее сбоку потекла кровь.

— Черт побери, Тайг! — заорал он, и его кадык нервно дернулся. — Ты меня порезал!

— Пора положить этому конец, — ответил Тайг, придвигаясь еще ближе. — Отпусти моего брата и навсегда убирайся из дома, или я перережу тебе глотку, и ты сдохнешь.

Не знаю, что я почувствовала — огромное облегчение или горькое разочарование, когда увидела, что отец отпустил Джоуи и встал на ноги.

Наверное, и то и другое, мне с трудом удавалось мыслить связно, так что я ни в чем не была уверена.

Слишком уставшая, чтобы удерживать вес собственного тела, я наклонилась вперед и легла щекой на стол. Дыша быстро и коротко, я старалась не двигаться, чтобы не потревожить кости.

Все так сильно болело.

Вкус крови в глубине горла вызывал тошноту.

Содрогнувшись, я тихонько захныкала и вообще перестала шевелиться.

Я отдалась ощущению того, как кровь проникала в горло, металлическому, медному вкусу на языке.

Отрешенно, словно одурманенная, я позволила векам закрыться, отрезав голоса, которые кричали друг на друга, и сосредоточилась на неровном биении сердца, гремевшем в ушах.

— Да помоги ей, черт побери!

Бум, бум, бум.

— Я тебя убью, Мэри!

Б-бум... бум, бум, бум.

— Убирайся к черту!

Бум... бум... б-бум... бум...

— Да ты покойница!

Бум... бум... б-б... бум...

Хлопнула дверь.

Бууууум... б... б... бум...

«Шаннон „как река“, я люблю тебя...»

Меня наполнило опустошение, соединенное с глубоким сожалением. Лицо Джонни стало маяком утраченной надежды за закрытыми веками, и я приняла судьбу, которая мне выпала...

Горячие слезы горечи и сожаления стекали с ресниц на щеки, смешиваясь с подсохшей кровью.

Было так обидно, словно меня ограбили.

Может, в другой жизни все сложилось бы иначе.

Я могла бы быть счастлива.

«Я думаю, ты нужна мне навсегда...»

— Что это с ней? — услышала я чей-то голос, ужасно похожий на голос девушки Джоуи Ифы. — Почему у нее течет кровь изо рта?

«Чего ты испугалась? Я тебя не обижу...»

— Шаннон! Шаннон! Боже мой, да сделайте что-нибудь!

«Скажи, кто смеет издеваться над тобой, я это исправлю...»

— Смотрите, что он натворил! — слышался крик мамы.

«Я все устрою...»

— Позвоните в «скорую»!

«Ты со мной, и тебе ничто не угрожает...»

— Да она умирает! Он убил мою сестру! А ты ничего не делаешь!

«Я не дам тебе упасть... все будет хорошо, я держу тебя...»

— Да позвоните же в хренову «скорую»!

«Оставайся со мной...»

Я почувствовала на лице две теплые ладони и наслаждалась нежным прикосновением.

— Ты меня слышишь? — В уши проник голос Джоуи. — Я тебя заберу отсюда, хорошо?

«Продолжай меня целовать...»

— Шаннон, ты меня слышишь?

«Шаннон „как река“, я люблю тебя...»

— Шан? — Что-то надавило мне на глаза (пальцы Джоуи, сообразила я), он приподнял мои веки. — Шаннон, ну же, поговори со мной!

Глаза открылись, я попыталась сосредоточиться на испуганном лице Джоуи, который смотрел на меня в упор.

— Я хочу тебе помочь, слышишь? — Он судорожно выдохнул. — «Скорая» уже едет.

Я открыла рот, чтобы ответить, но ничего не получилось.

Губы оказались не в силах произнести нужные мне слова.

— Шаннон, дыши!

Мать стояла на коленях возле меня, одной рукой касаясь моего лица, а другой прижимая к моей груди пакет с замороженным горохом.

— Дыши, Шаннон! — снова и снова повторяла она. — Дыши, малыш!

Это помогало?

Или делало хуже?

Я не знала.

Знала только, что дышать — не могу.

Я не паниковала.

Не боялась.

Просто... для меня все было кончено.

— Шан, — повторил Джоуи; голос брата стал выше, а на лице отразился страх. — Шаннон, пожалуйста... — Он нагнулся надо мной, сжал мне плечи и легонько встряхнул. — Боже правый, Шаннон, скажи что-нибудь!

Я попыталась еще раз, но ничего не вышло.

Я закашлялась, давась чем-то с чужеродным металлическим вкусом, и это что-то вырвалось изо рта густым липким потоком.

Голова свесилась набок и вернулась на место, когда Джоуи поддержал ее обеими руками.

— Ифа, дай ключи, — с трудом выговорил он, не сводя с меня зеленых глаз. Отпустив мое лицо, он исчез из вида. — Я сам ее отвезу.

— Джоуи, не трогай ее! У нее может быть внутреннее...

— Дай чертovy ключи, малыш!

Без поддержки его рук я тут же качнулась вперед и тяжело привалилась к матери.

— Все в порядке, — шептала она, обнимая меня и поглаживая мои волосы. — Все будет хорошо.

Жаль, что я не могла сама удерживать собственный вес и опиралась на мать. Я не хотела, чтобы она прикасалась ко мне, но внутри меня уже ничего не осталось.

Последнее, что я запомнила перед тем, как погрузилась во тьму, были руки брата, поднявшие меня, и его голос, который прошептал:

— Не бросай меня...

2

ДАЛЬШЕ НЕКУДА

ДЖОННИ

Никакого регби по меньшей мере шесть недель.

Отец.

Постельный режим семь-десять дней.

Отец.

Нога твоя не ступит на поле до мая.

Отец.

Порванная приводящая мышца, спайка и атлетическая пубалгия.

Отец.

Реабилитация.

— Дерьмо!

Подоткнув одеяло, я запрокинул голову и сдержал крик, зная, что, если снова закричу, меня опять накачают сраным успокоительным. Я был в натянутых отношениях с медсестрами, чей пост располагался в коридоре возле моей палаты. Из-за того, что я встал с постели, чтобы помочиться, и упал на пол рядом с кроватью, меня внесли в черный список. Меня отымали за то, что не попросил помощи, напомнили про катетер и вlepили еще порцию той дряни, что уже закачивали внутривенно. Сказали, что это обезболивающее, но я сомневался. Я был под кайфом. Никому не нужно столько наркоты. Даже мне, идиоту со сломанным членом. Срань господня!

Моргая, чтобы сфокусировать зрение, я безуспешно попытался сосредоточиться на стене напротив кровати, где висел телевизор: Пэт Кенни вел «Очень позднее шоу». Я продолжал сканировать пространство, но мысли возвращали в ту единственную реальность, которая гналась за мной, крутясь в голове заезженной пластинкой.